inalco
CREE
Centre de recherche
Europes-Eurasie

Art
At
War

SURNATUREL ET REPRÉSENTATIONS DE LA GUERRE DANS LA PROSE RUSSOPHONE CONTEMPORAINE

Sylvia Chassaing
(CREE/Inalco)

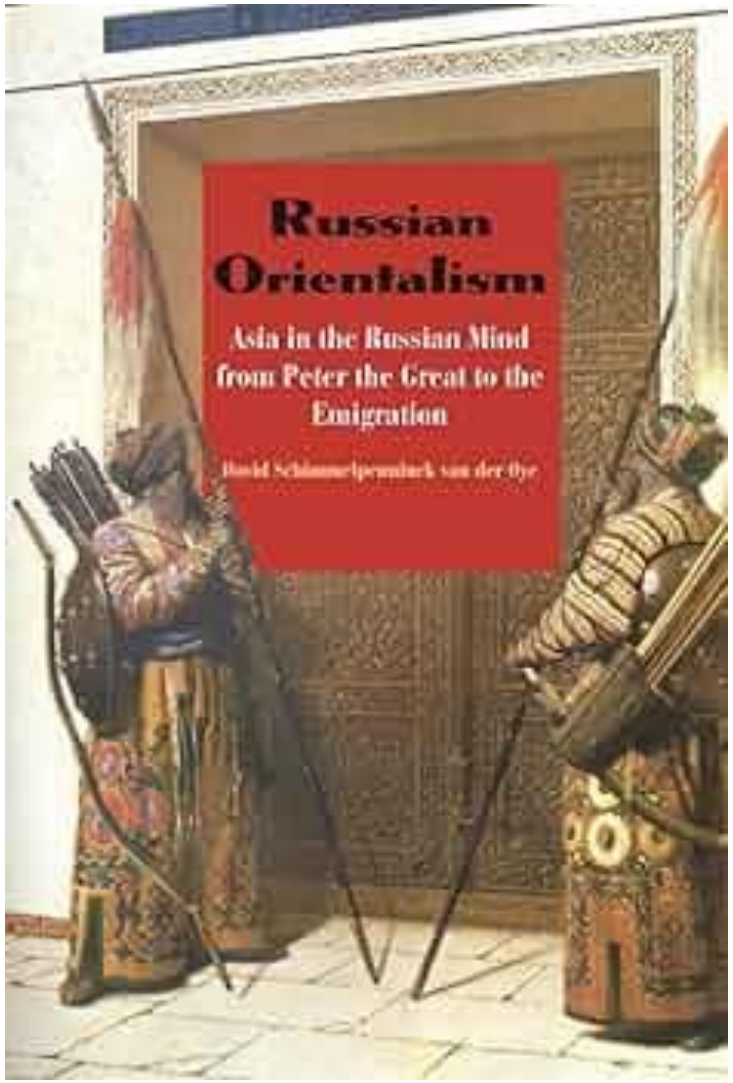
INTRODUCTION

- En contexte européen et nord-américain
  - Narrer ainsi à la première personne équivaut à tisser un motif absolument inimitable, unique en son genre, c'est s'assurer d'un sentiment d'autonomie en tant qu'individu, être conscient de soi et de son destin. (…) Malgré cela, notre expérience de lecteur, étonnamment, se révèle souvent incomplète et décevante, parce qu'exprimer le « moi » du narrateur ne donne aucune assurance d'universalité. Ce qui manque, semble-t-il, c'est une dimension parabolique. Car le héros d'une parabole est à la fois lui-même – il vit dans des conditions historiques ou géographiques particulières – et, en même temps, se situe bien au-delà de ces contingences précises, il est un « Tout un chacun » susceptible de vivre « Partout » (*Le Tendre Narrateur*)

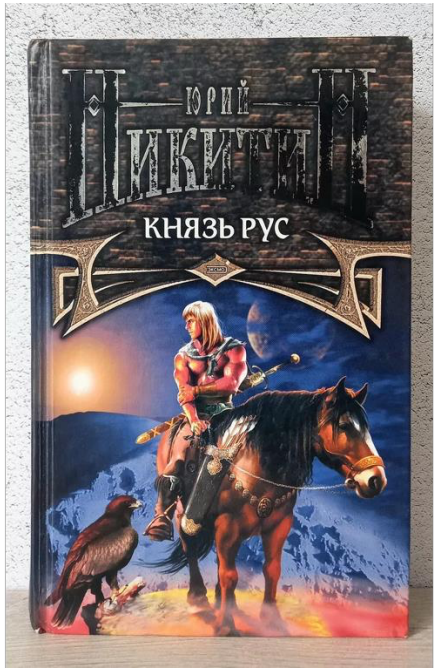

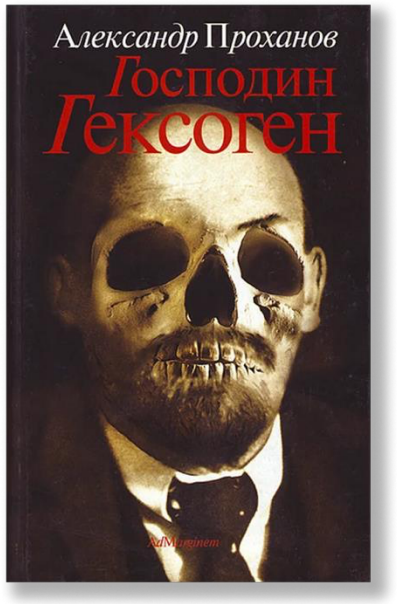
INTRODUCTION

- Spécificités de l’espace russe et russophone

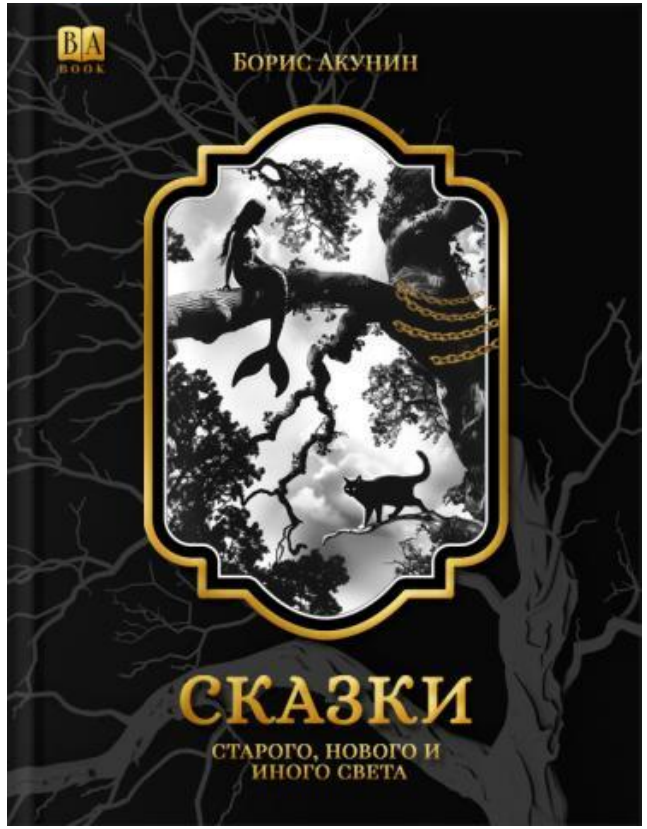
INTRODUCTION

INTRODUCTION

PLAN

I. Représenter le soldat russe : le surnaturel comme moyen de souligner l'horreur

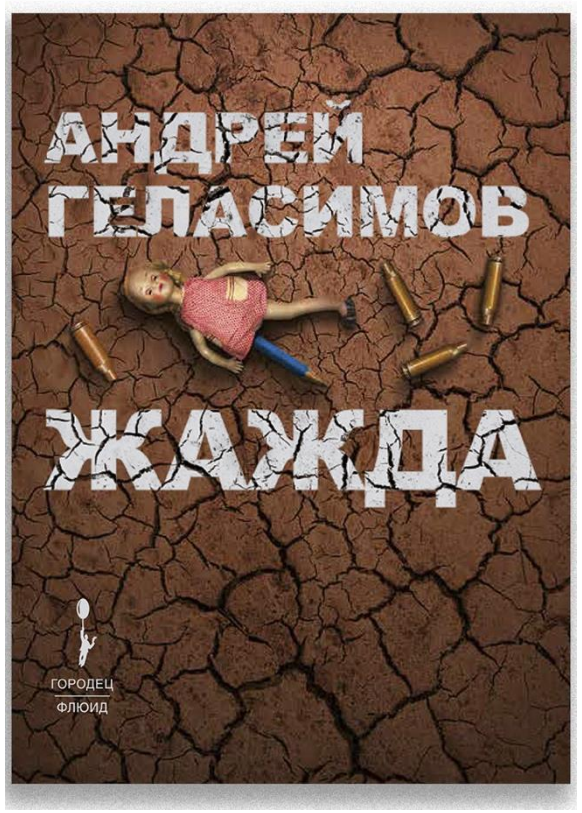
II. Récits de vengeance : le surnaturel comme moyen de rétablir la justice

III. Entre allégorie et escapisme : le surnaturel comme moyen de ne pas dire l'horreur

I. REPRÉSENTER LE SOLDAT RUSSE : LE SURNATUREL COMME MOYEN DE SOULIGNER L'HORREUR

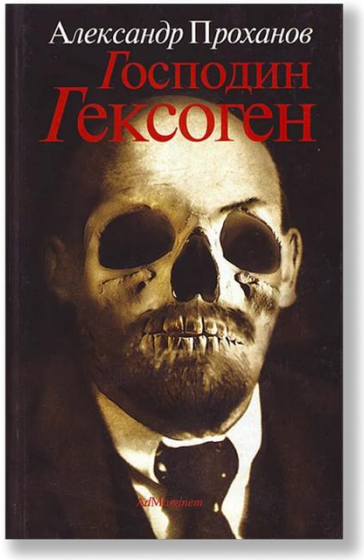
- Recontextualisation
  - « Человек умирает совсем не так, как в кино. Не по Станиславскому человек умирает. Попала пуля в голову – взмахнул руками и упал. А на самом деле: попала пуля в голову, мозги летят, а он за ними бежит, может полкилометра бежать и их ловить. Это за пределом. Он бежит, пока не наступит физиологическая смерть. Легче было бы застрелить, чем смотреть и слышать, как он всхлипывает или лежит и просит смерти как избавления. » (Alexievitch)

I. REPRÉSENTER LE SOLDAT RUSSE : LE SURNATUREL COMME MOYEN DE SOULIGNER L'HORREUR

Алексей Юрчак

Некроутопия: политика голой жизни и вне-советский субъект[1]

В последние пару десятилетий существования советской системы, в 1970-е-80-е годы, в среде городских неформальных художественных сообществ было принято не интересоваться политическими темами, дистанцироваться от «обычной» советской действительности и избегать как активного участия в политических ритуалах и институтах советской системы, так и активного сопротивления им. Многие группы интеллектуалов и художников того времени не просто практиковали этот *невовлечённый* способ взаимодействия с советской системой, но и создали набор основанных на нем эстетических принципов ежедневного поведения быть и в большей степени, чем прямая оппозиция (включая деятельность диссидентов), способствовал расшатыванию советской системы изнутри и созданию в ней условий для её неожиданного обвала.[2] Поэтому этот «аполитичный» способ существования в системе являлся в действительности видом политической жизни, хотя и облечённой во внешнюю форму отсутствия политических интересов и отношений. Очевидно, что политические отношения вообще неверно сводить к понятиям подавления и сопротивления. В разных контекстах они могут приобретать самые разные формы. В позднесоветский период наиболее опасной для государства политической позицией было

I. REPRÉSENTER LE SOLDAT RUSSE : LE SURNATUREL COMME MOYEN DE SOULIGNER L'HORREUR

- Depuis le 24 février,
  - Discours gouvernemental
    - https://lenta.ru/news/2023/04/19/rekl/#rprecord=eyJpZCI6MjE1NjYyNiwicmVjb3JkSWQiOiJyZWNvcmQ6OjI3MmNkYzExLTZiY2YtNGE1NS05MmVjLWNmZDkyYTQ0YmZmMSJ9

I. REPRÉSENTER LE SOLDAT RUSSE : LE SURNATUREL COMME MOYEN DE SOULIGNER L'HORREUR

- Depuis le 24 février,
  - Discours gouvernemental
  - Discours d'opposition
    - https://www.bbc.com/russian/features-61095167

DARIA SERENKO, « LES FIANCÉS BLEUS » / СИНИЕ ЖЕНИХИ

Мёртвые синие женихи из России, вернувшись с войны, навсегда ложатся в кровати к своим невестам. Они лежат на чистых простынях как в гробах и женщины рядом с ними, ещё живые, лежат как в гробах, и все люди в каждой панельной многоэтажке лежат как в гробах. В народе даже появилась поговорка «на войне и в домах, как в гробах». Страшно стало жить, а умирать и того страшнее. И женихи стали страшные. Мало того что синие и смердит от них как от скотобойни, так у каждого ещё и своё увечье: у кого-то кишки навыпуск, у кого-то половина лица спеклась и потекла, у кого-то нет обеих ног.

De retour de la guerre, les fiancés russes, morts et bleus, se couchent pour toujours auprès de leurs fiancées. Ils sont couchés sur les draps propres comme dans des cercueils et les femmes à côté d'eux, vivantes encore, sont couchées comme dans des cercueils, et tous les gens, dans chaque tour de chaque cité, sont couchés comme dans des cercueils. Il y a même un nouveau dicton populaire : « chez soi et à la guerre, comme au cimetière ». On a peur de vivre maintenant, et d'autant plus peur de mourir. Et les fiancés aussi font peur. Non contents d'être bleus et de puer le charnier, ils ont en plus chacun une mutilation qui leur est propre : l'un a les reins à l'air, l'autre a la moitié du visage qui a brûlé et qui dégouline, un autre encore a les deux jambes en moins.

DARIA SERENKO, « LES FIANCÉS BLEUS » / СИНИЕ ЖЕНИХИ

Тяжело таких любить, но и хоронить таких не легко. Женщины вздыхают и ложатся с ними, стараясь не показывать отвращения, жалко. Не осталось уже ни сил, ни слёз, за что умер – непонятно, любил ли – ни спросить, ни вспомнить. Женихи теперь молчаливые, у кого пальцы остались – могут только беззвучно ими на что-то показывать. Один на днях сидел с открытым ртом и в рот себе тыкал. Невеста подумала, что еды просит, положила ему под распухший язык кусочек вымоченного в молоке хлеба, а хлеб нежеванный так изо рта и выпал. На том свете особо не заработаешь, так что на свадьбы откладывают теперь с гробовых. Какие-то выплаты, компенсации, капает всего понемножку, жить можно.

C'est dur d'aimer des gens comme ça, mais ce n'est pas simple non plus de les enterrer. Les femmes soupirent et se couchent auprès d'eux, en tâchant de ne pas montrer leur dégoût, par pitié. Plus de force, plus de larmes, pourquoi est-il mort ? – on ne sait pas, m'aimait-il ? – impossible de demander, impossible de se souvenir. Les fiancés maintenant sont mutiques, ils ne peuvent plus que montrer du doigt – pour peu qu'il leur en reste. L'un d'entre eux a passé des jours à se mettre le doigt dans la bouche, qu'il gardait ouverte. Sa fiancée s'est dit qu'il demandait à manger, elle a mis un bout de pain trempé dans du lait sous sa langue enflée, mais le pain est retombé de sa bouche, intact. Dans l'autre monde, il n'y a pas beaucoup d'argent à gagner, donc pour le mariage il faudra prendre dans l'argent alloué pour les funérailles. Il y a bien de petits remboursements, de petites compensations qui arrivent au compte-goutte, assez pour vivre.

DARIA SERENKO, « LES FIANCÉS BLEUS » / СИНИЕ ЖЕНИХИ

Одна пара – мёртвый и живая – скоро сыграют свадьбу и поминки одновременно, чтобы дважды не тратиться. Жениха надо оплакать сначала, а потом уже можно и молодых поздравлять. Невеста – она же и вдова, поэтому наряд у неё особенный: платье белое, а фата чёрная. А жениха оденут в костюм отца, отец ещё в Чечне подорвался, а теперь вот и сыну костюм стал впору, вся семья гордится. Страшно невестам, правда, в первую брачную ночь со своими женихами оставаться.

Un couple – lui mort et elle vivante – vont organiser le mariage et les funérailles en même temps, pour ne pas multiplier les dépenses. On va d'abord pleurer le mort, et ensuite seulement on pourra féliciter les jeunes mariés. Puisque la fiancée est fiancée et veuve en même temps, elle a un trousseau insolite : sa robe est blanche, son voile noir. Quant au fiancé, on lui mettra le costume de son père, qui s'est fait sauter lui aussi, mais en Tchétchénie, et voilà, le costume tombe à point pour le fils, toute la famille s'en félicite. Il est vrai que les fiancées ont peur, pendant la nuit de noces, d'être aux côtés de leurs fiancés.

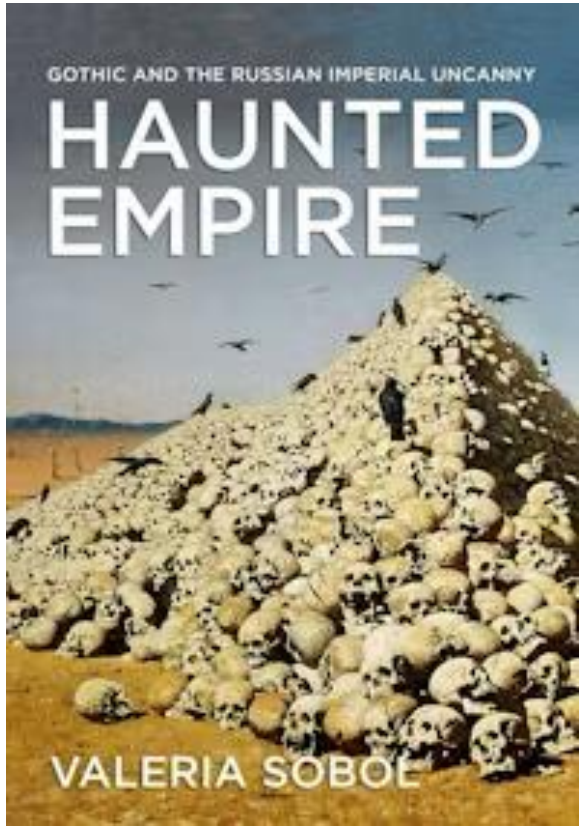
DARIA SERENKO, « LES FIANCÉS BLEUS » / СИНИЕ ЖЕНИХИ

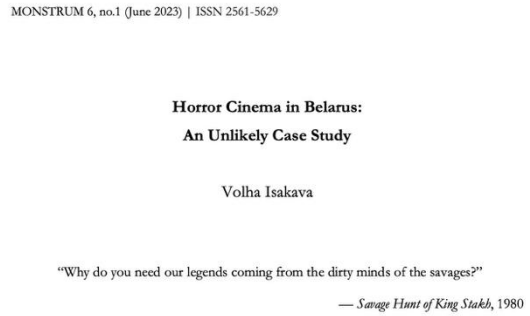
Слаб человек, тяжело живому возжелать мертвое. Как будто ему, некогда живому, изменяешь с ним же, теперь мертвым. Будто два разных человека – живой и мертвый. И выбрать между ними уже нельзя. Конечно, женщины предпочли бы живых. С ними было бы так хорошо целоваться под цветущей яблоней в начале мая. Или откладывать на море. Или пить чай с булками из ларька по дороге с работы. Или отправлять их в ночной магазин за килькой в томате во время первой беременности. По ночам, лёжа рядом со своими неповоротливыми мертвецами, они грезят о живых. Бог им судья.

L'être humain est faible, il est difficile aux vivants de désirer les morts. C'est comme si on trompait le fiancé autrefois vivant avec le fiancé aujourd'hui mort. Comme si c'était deux personnes différentes, le vivant et le mort. Et impossible désormais de choisir entre les deux. Bien sûr que les femmes préfèreraient les vivants. Avec eux, c'était si bon de s'embrasser sous les pommiers en fleur pendant les premiers jours de mai. Ou d'économiser pour partir à la mer. Ou de boire du thé avec des pâtisseries achetées au petit comptoir en rentrant du travail. Ou de les envoyer à l'épicerie de nuit acheter des anchois aux tomates pendant la première grossesse. La nuit, couchées auprès de leurs morts léthargiques, elles rêvent aux vivants. Dieu seul leur sera juge.

II. RÉCITS DE VENGEANCE : LE SURNATUREL COMME MOYEN DE RÉTABLIR LA JUSTICE

- Contextualisation

MONSTRUM 6, no.1 (June 2023) | ISSN 2561-5629

Horror Cinema in Belarus:
An Unlikely Case Study

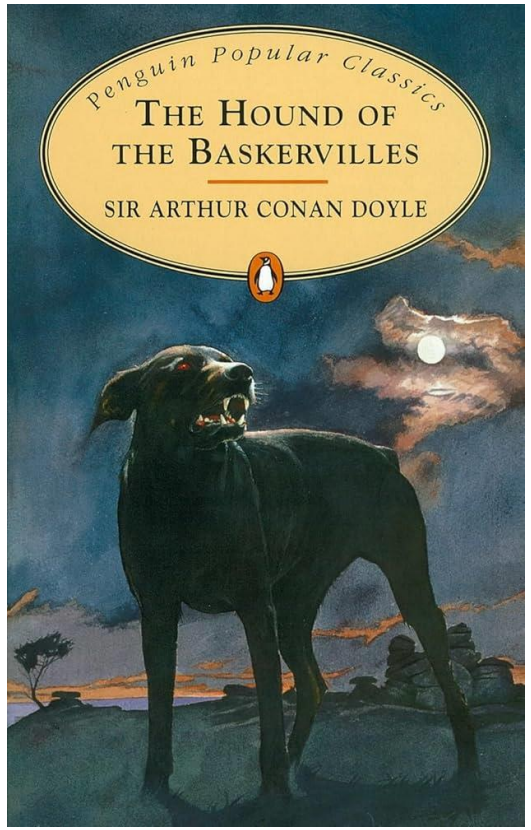
Volha Isakava

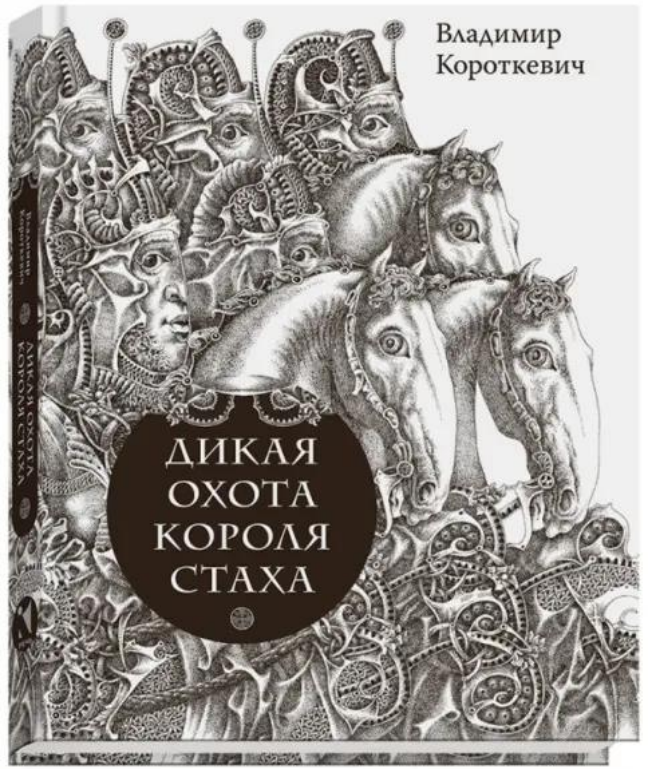
"Why do you need our legends coming from the dirty minds of the savages?"

— *Savage Hunt of King Stakh*, 1980

II. RÉCITS DE VENGEANCE : LE SURNATUREL COMME MOYEN DE RÉTABLIR LA JUSTICE

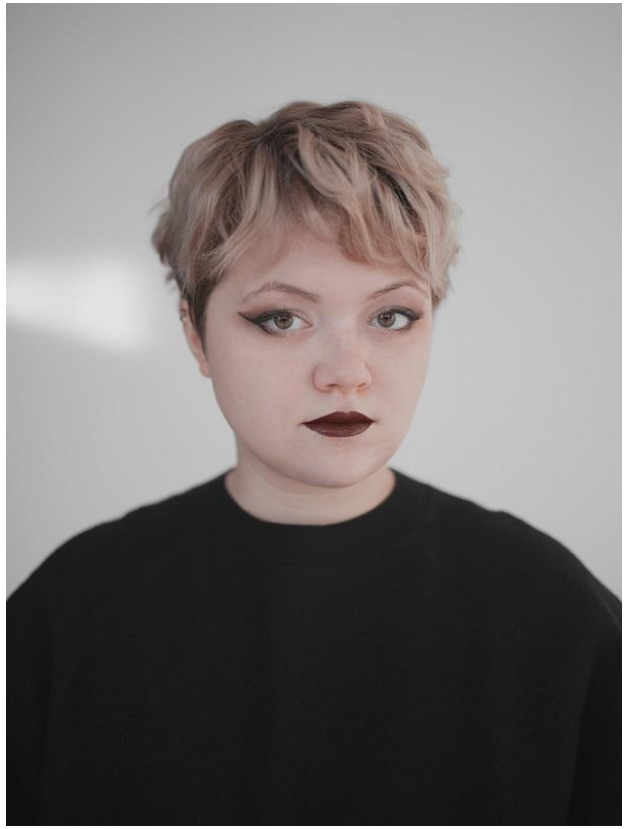
- Contextualisation

II. RÉCITS DE VENGEANCE : LE SURNATUREL COMME MOYEN DE RÉTABLIR LA JUSTICE

- En littérature russophone :
  - « Земля мертвых »

TONI LASHDEN, « TERRE DES MORTS » / ЗЕМЛЯ МЕРТВЫХ

Анатолий Владимирович рухнул, как падает в погреб мешок картошки, и покатился по склону. Больно ударился о какой-то корень спиной; попытался зацепиться за траву, но стебли выскальзывали из рук, оставляли кровавые полосы. Он упал на дно оврага, застыл: жучишка, опрокинувшийся на спину. Боль растеклась темной кляксой. Зажмурился, открыл глаза. В трех метрах над ним высилась желтая стена пшеницы. Пшеница рябила в глазах, казалась живой. Лежа на дне ямы, Анатолий Владимирович увидел срез этой земли: тонкий слой истощенного чернозема зажевывала сбитая красная глина. Овраг сочился влагой, как будто кровоточил.
«Алеся!» — Анатолий Владимирович позвал требовательно, как зовут на ковер опоздавших подчиненных. Где она? (…)

Anatoli Vladimirovitch chuta comme un sac de patates dans une cave et glissa le long de la paroi. Son dos heurta douloureusement quelque chose, une racine sans doute, il essaya de raccrocher à l'herbe mais les tiges lui glissaient entre les doigts en y laissant des traits sanguinolents. Il tomba au fond du fossé et se figea: un petit scarabée renversé sur le dos. La douleur se répandit comme une tache d'encre dans son corps. Il fronça les sourcils, ouvrit les yeux. Trois mètres au-dessus de lui s'élevait un mur de blé jaune. Le blé ondulait, paraissait vivant. Couché au fond de la fosse, Anatoli Vladimirovitch vit la terre en coupe : une fine couche de tchernoziom épuisé était dévorée par une épaisse argile rouge. Le fossé suintait, semblait saigner.
« Alessia! » cria Anatoli Vladimirovitch impérieusement, comme on passe un savon à un employé en retard. Où était-elle ?

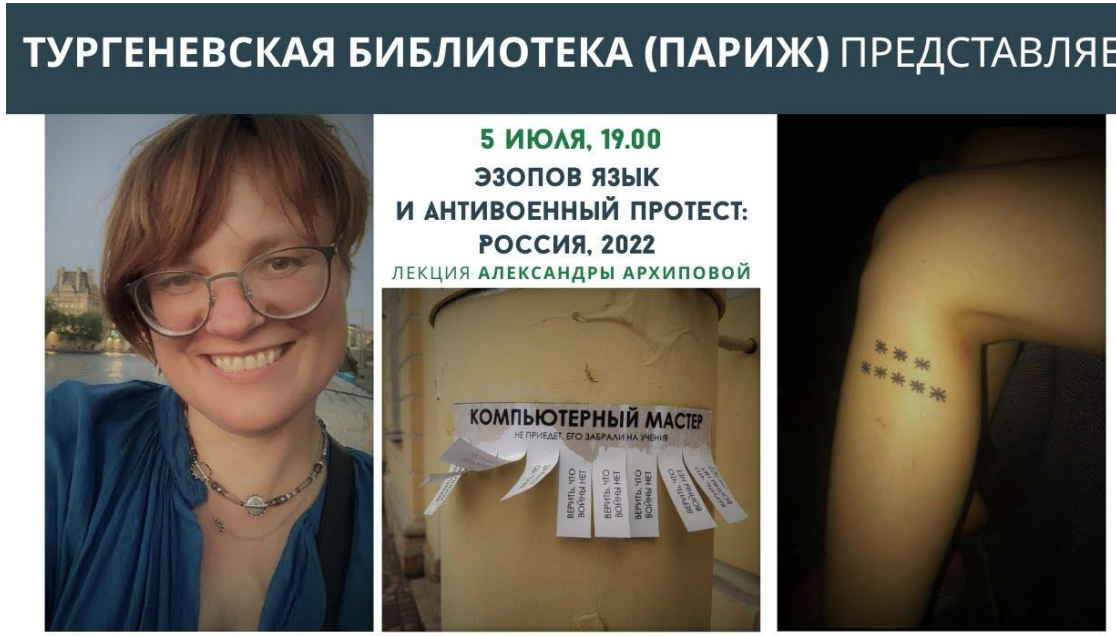
TONI LASHDEN, « TERRE DES MORTS » / ЗЕМЛЯ МЕРТВЫХ

Он позвал ее громче. Ничего не было слышно: звуки утопали в монотонном шуме поля. Он оперся о землю, снова попытался встать. Под ладонью что-то хрустнуло. Анатолий Владимирович отнял руку, стал рассматривать острые крошки под ладонью.
Кости.
«Это что же это такое, — голос его взвился, стал почти детским. — Это что же это такое!»
(...) Он заголосил, теперь уже испугавшись по-настоящему: «А-А-А-А-А-А», а затем: «Помогите, помогите, помогите».
«Алеся, пожалуйста, помогите!»
Он покрылся весь этой красной глиной: и лицо, и рубашка, и штаны, и сломанная нога. Всё было в глине, облепившей его, как кокон.
«Помогите мне кто-нибудь!»
Но беларуская пшеница не говорила на русском и потому никак не могла ему помочь.

Il l'appela plus fort. On n'entendait rien : les sons étaient étouffés par le bruissement monotone du champ. Il s'appuya sur le sol et tenta de nouveau de se lever. Quelque chose craqua sous sa paume. Anatoli Vladimirovitch retira sa main et observa les fragments pointus sur le sol.
Des os.
« Mais qu'est-ce que c'est que ça, » – sa voix devint aiguë, presque enfantine. – « Qu'est-ce que c'est que ça ! »
(…) Il hurla, terrifié pour de bon désormais : « Aaaaaaah », puis : « A l'aide, Alessia, je vous en prie ! »
Il était entièrement recouvert de cette argile rouge : le visage, la chemise, le pantalon et la jambe qu'il s'était cassé. Tout était pris dans l'argile, qui l'enserrait comme un cocon.
« A l'aide! »
Mais le blé bélarussien ne parlait pas russe et ne pouvait donc pas l'aider.

III. ENTRE ALLÉGORIE ET ESCAPISME : LE SURNATUREL COMME MOYEN DE NE PAS DIRE L'HORREUR

- Contextualisation

III. ENTRE ALLÉGORIE ET ESCAPISME : LE SURNATUREL COMME MOYEN DE NE PAS DIRE L'HORREUR

- Remarques :
  - Naturalisation de la politique
  - Psychologisation des postures
  - Effacement des victimes

CONCLUSION

CONCLUSION

- Quelles fonctions du surnaturel dans la littérature russophone contemporaine ?
  - Fonction politique
    - Pragmatique
    - Satirique/dystopique
  - Fonction psychique
    - « Pessimisme magique », E. Nekrassova
      - Escapisme et rédemption
      - Revanche et regain d'agentivité

➢ Profond sentiment d'impuissance auquel le surnaturel apporte une solution fantasmatique

CONCLUSION

- Evolutions des fonctions de la mobilisation du surnaturel en URSS et en Russie post-soviétique
  - Période soviétique tardive
  - Années 1990
  - Aujourd'hui

